

Сказки Ханса Кристиана Андерсена. О чём рассказывала старая Йоханна

Ветер шумит в ветвях старой ивы.

Сдаётся, что внемлешь песне; поёт её ветер, пересказывает дерево. А не понимаешь их, спроси старуху Йоханну из богадельни; она всё знает, она, ведь, родилась тут в окрестности.

Много лет тому назад, когда мимо ивы ещё проходила большая столбовая дорога, ива была уже большим могучим деревом. Стояла она, где и теперь стоит, близ пруда, перед выбеленным домиком портного. Пруд этот в те времена был так велик, что к нему пригоняли на водопой скотину, а в тёплые летние дни в нём полоскались голые деревенские ребятишки. Под самым деревом стоял тогда большой камень, изображавший верстовой столб; теперь он свалился и оброс побегами ежевики.

Новую большую дорогу провели по ту сторону богатой крестьянской усадьбы, а старая стала просёлочною, пруд же превратился в подёрнутую зелёною плесенью лужу. Бухнется в неё лягушка – зелень разойдётся, и покажется грязная, чёрная вода. По краям её росли и растут осока, тростник и жёлтые лилии.

Домишко портного покосился от старости; крыша превратилась в рассадник мха и дикого чеснока. Голубятня обветшала, и в ней свил себе гнездо скворец, под крышей же налепили себе гнёзд ласточки, словно домик был приютом счастья.

Когда-то оно так и было; теперь же в нём тишина и запустение. Живёт в нём, или вернее прозябает, «дурачок Расмус», как его прозвали. Он родился в этом доме, играл тут ребёнком, прыгал по полю и через изгородь, полоскался в пруде и карабкался на старую иву.

Она и теперь ещё подымает к небу свои роскошные, красивые, большие ветви, как и тогда. Но буря слегка погнула её ствол, время проделало в нём трещину, ветер занёс в неё землю, и из

неё сами собою выросли трава, зелень и даже маленькая рябинка. Ласточки возвращаются сюда каждую весну, начинают летать вокруг дерева и над крышей и чинить свои старые гнёзда; Расмус же махнул рукою на своё гнездо, никогда не чинил его. «К чему? Что толку?» вот такая была у него поговорка, унаследованная от отца.

И он оставался в своём гнезде, а ласточки улетали, но на следующую весну возвращались опять – верные птички! Скворец посвистывал, улетал, опять возвращался, и опять насвистывал свою песенку. Когда-то и Расмус свистал с ним взапуски; теперь он и свистать и петь разучился.

Ветер шумел в ветвях старой ивы, шумит и посейчас; сдаётся, что внемлешь песне; поёт её ветер, пересказывает дерево. А не понимаешь их, спроси старуху Йоханну из богадельни; она всё знает, может порассказать о том, что было здесь в старину, она – живая хроника.

Дом был ещё нов и крепок, когда в него перебрались на житьё деревенский портной Ивар Эльсе с женою Марен, люди честные, работающие. Старуха Йоханна была в то время ещё девчонкою; отец её, выделявавший деревянные башмаки, считался чуть ли не последним бедняком в околотке. Много перепало девочке славных кусков хлеба с маслом от доброй Марен, – у этой-то не было недостатка в провизии. Она пользовалась большою благосклонностью помещицы, вечно смеялась, вечно была весела, никогда не вешала носа, болтала без умолку, но, работая языком, не покладала и рук. Иголка в её руках двигалась так же быстро, как язычок во рту; кроме того, она смотрела и за хозяйством, и за детьми, а их была без малого дюжина – целых одиннадцать; двенадцатый так и не явился.

– У бедняков вечно полно гнездо птенцов! – ворчал помещик. – Топить бы их, как котят, оставляя лишь одного или парочку из тех, что покрепче, так беды-то было бы меньше!

– Спаси Боже! – говорила жена портного. – Дети – благословение Божие, радость в доме! За каждого лишнего ребёнка прочтёшь лишний раз «Отче Наш» – вот и всё! А если и туго приходится и трудно кормить столько ртов, так стоит приналечь маленько на работу и выйдешь из беды честь-честью! Господь не забудет нас,

коли мы Его не забываем!

Помещица одобряла Марен, ласково кивала ей головой и часто трепала её по щеке. А было время, что она даже целовала Марен, но это тогда ещё, когда сама была маленькою девочкой, а Марен – её нянькой. Обе очень любили друг друга, и добрые отношения между ними не порывались.

Каждый год, к Рождеству, в доме портного появлялся запас провизии на зиму: бочка муки, свиная туша, два гуся, бочонок масла, сыр и яблоки. Всё это шло с помещичьего двора и помогало пополнить кладовую. Ивар Эльсе глядел тогда веселее, но скоро опять затягивал свой вечный припев: «Что толку?»

В домике портного было чисто, уютно; на окнах занавески, на подоконниках цветы: гвоздики да бальзамины. На стене, в рамке, висела азбука, вышитая Марен, а рядом стихотворение, тоже её собственной работы; она умела подбирать рифмы и почти гордилась тем, что её фамилия Эльсе (Ölse) являлась единственным словом, рифмовавшим со словом Pölse (колбаса).

– Всё-таки преимущество перед другими! – говаривала она, смеясь.

Она всегда была в духе, никогда не говорила, как муж: «Что толку!» У неё была своя поговорка: «Надейся на Бога и сам не плошай!» Так она и делала, и весь дом держался ею. Детишки росли здоровыми, подрастали, покидали родное гнездо, становились сами на ноги и вели себя хорошо. Самый меньшей из них, Расмус, ребёнком был просто красавчик, так что один из лучших живописцев в городе даже взял его раз моделью, но нарисовал совсем голеньким, как мать родила! Картинка эта висела теперь в королевском дворце; помещица видела её и сейчас признала маленького Расмуса, даром что он был без платья.

Но вот настало тяжёлое время. Портной схватил ревматизм в обеих руках; руки распухли; ни один доктор не мог ничего поделать, даже сама знахарка Стина.

– Не надо вешать носа! – сказала Марен. – В этом толку мало! Теперь у нас парю здоровых рук меньше, так задам побольше дела моим! Да и Расмус умеет держать иглу в руках!

Он уже и в самом деле сидел на столе, насвистывал и шил;

весёлый он был мальчик!

Но целыми днями ему не след было сидеть за работою – говорила мать – грешно так мучить ребёнка; надо было дать ему и побегать, и порезвиться!

Первою подругою Расмуса была Йоханна; она была ещё из более бедной семьи, чем Расмус, красотою не отличалась, ходила босиком и в лохмотьях, – некому было о ней заботиться, самой же зашить свои дырья ей в голову не приходило. Она была ещё ребёнок и весела, как птичка, порхающая на солнышке.

Чаще всего играли дети под большой ивой у каменного столба.

Расмус задавался великими замыслами; он мечтал сделаться важным портным и поселиться в городе, где живут такие мастера, что держат по десяти подмастерьев, – это он слышал от своего отца. Вот к такому-то мастеру Расмус и поступит в подмастерья, а потом сам станет мастером. Тогда Йоханна непременно должна прийти к нему в гости, а если к тому времени выучится стряпать, то может остаться у них и навсегда – готовить им кушанье, и тогда ей отведут свою комнату.

Йоханна не совсем-то этому верила, но Расмус был вполне уверен, что всё оно так и сбудется.

Так они сидели вместе под старым деревом, а ветер шумел в ветвях, словно пел песню, ива же пересказывала её.

Осенью все листья опали; с голых ветвей закапал дождь.

– Они снова зазеленеют на будущий год! – говорила матушка Эльсе.

– Что толку? – ответил муж. – Новый год – новые печали, новые заботы о куске хлеба!

– Кладовая наша полна! – возражала жена. – Спасибо доброй барыне! Я здорова, сил мне не занимать стать, – грех нам и жаловаться!

Рождество семья помещика проводила в имении, но через неделю после Нового года перебиралась обыкновенно в город, где весело проводила зиму, посещая разные балы и собрания и бывая даже при дворе.

Госпожа выписала себе из Парижа два дорогих платья, из такой материи, такого покроя и такой работы, что Марен сроду не видывала ничего великолепнее. Она и выпросила у госпожи

разрешение прийти в замок ещё раз вместе с мужем, чтобы и он мог любоваться на платья.

– Ничего такого ни одному деревенскому портному, ведь, и во сне не снилось! – сказала она.

И вот, он увидел платья, но не сказал ни слова, пока не вернулся к себе домой, да и тут сказал лишь то, что говорил всегда: «Что толку?» И на этот раз слова его оказались вещими. Господа переехали в город, начались балы и праздники, но тут-то как раз старый помещик и умер. Не пришлось молодой госпоже и пощеголять в своих великолепных платьях! Она была очень огорчена, оделась с ног до головы в траур, не позволяла себе надеть даже белого воротничка. Все слуги тоже были одеты в траур, а парадную карету обили тонким чёрным сукном.

Была ясная морозная ночь; звёзды сияли на небе, снег так и сверкал, когда к воротам усадебной церкви подъехала колесница с телом помещика; его привезли сюда из города, чтобы схоронить в фамильном склепе. Управляющий помещьем и деревенский староста, оба верхом, с факелами в руках, встретили гроб у калитки кладбища. Церковь была освещена, священник встретил гроб в дверях. Затем гроб внесли на возвышение перед алтарём, священник сказал приличное случаю слово, а присутствующие пропели псалом. Сама госпожа тоже находилась в церкви; она приехала в парадной траурной карете, обитой чёрным сукном и внутри, и снаружи; ничего такого деревенские жители сроду не видывали.

Всю зиму толковали они о печальной, но пышной церемонии. Да, вот это так были «господские похороны»!

– Сейчас видно, какой человек умер! – говорили они. Родился он знатным баринком и схоронили его, как знатного барина!

– Что толку? – сказал опять портной. – Теперь у него ни жизни, ни имени! У нас хоть жизнь-то осталась!

– Да не говори же таких слов! – прервала его жена. – Он, ведь, обрёл вечную жизнь в царствии небесном!

– А кто тебе это сказал? – возразил муж. – Мёртвое тело – хорошее удобрение для земли и только! А этот господин даже и удобрением-то послужить не может, – он слишком знатен для этого, будет себе гнить в склепе!

– Да оставь ты свои безбожные речи! – вскричала жена. – Говорю тебе: он обрёл вечную жизнь!

– А кто тебе сказал это, Марен? – повторил портной.

Но Марен набросила передник на голову маленького Расмуса, – ему не след было слушать такие речи – увела его в сарай и там принялась плакать.

– Это говорил, Расмус, не отец твой, а злой дух! Он забрался в дом и овладел языком твоего отца! Прочти: «Отче наш!» Прочтём вместе! – И она сложила ручки ребёнка. – Ну, теперь у меня отлегло от сердца! – сказала она. – Надейся на Бога и сам не плошай!

Год скорби подходил к концу, вдова ходила уже в полутрауре, а в сердце её печаль давно сменилась полною радостью.

Поговаривали, что к ней присватался жених, и она уже подумывает о свадьбе. Марен знала об этом кое-что, а священник и того больше.

В Вербное воскресенье, после проповеди, он должен был огласить предстоящее бракосочетание вдовы. Жених её был какой-то не то каменотёс, не то ваятель, – толковали в народе. Как называть его – никто хорошенько не знал; в те времена Торвальдсен и его искусство ещё не были знакомы народу.

Новый помещик был не из знатного рода, но вид у него был очень важный, и занимался он чем-то таким, о чём никто не имел настоящего понятия; знали только, что он имеет дело с глиной, да с камнем, что он большой мастер своего дела, и к тому же молод и красив.

– Что толку? – говорил, однако, Ивар Эльсе.

И вот, в Вербное воскресенье, после проповеди, состоялось оглашение; затем пропели псалмы и приступили к причащению. Портной, Марен и Расмус были в церкви; родители подошли к причастию, мальчик остался сидеть на своём месте, – он ещё не был конфирмован.

В последнее время в доме портного ощущался сильный недостаток в одежде; старые платья все изнашивались, их уж вывертывали, перешивали и чинили не раз. В этот же день все трое: и муж, и жена, и сын были в новых платьях, но из чёрной траурной материи, словно собирались на похороны, – на платья им пошла

траурная обивка кареты. Мужу вышел из неё сюртук и брюки, жене платье и Расмусу полный костюм, да ещё на рост, чтобы платье пригодилось и к конфирмации. На всё это, как сказано, пошла и внутренняя и наружная обивка траурной кареты. Никому собственно не было нужды добираться до первоначального употребления материи, но люди всё-таки живо добрались, и знахарка, «умная баба» Стина, да ещё несколько таких же умниц, которые, однако, не промышляли своим умом, объявили, что эти платья накличат на головы семьи несчастье: «Нельзя одеваться в обивку траурной кареты, – сам отправишься на кладбище!»

Йоханна заплакала, услышав такие речи, и так как случилось, что с того самого дня портному стало хуже, то скоро должно было выясниться, на чью именно голову падёт несчастье.

Наконец, оно и выяснилось.

В первое же воскресенье после Троицы портной Эльсе умер. Теперь Марен осталась одна, – как знаешь, так и справляйся! Она и справлялась: надеялась на Бога и сама не плошала!

Через год Расмус конфирмовался. Пришла пора отдать его в город в ученье к настоящему портному, хоть и не к такому, который держал двенадцать подмастерьев. Этот держал только одного, мальчика же Расмуса можно было считать разве за пол-подмастерья. Расмус был весел, рад тому, что отправляется в город, но Йоханна плакала; она любила его больше, чем сама подозревала. Мать Расмуса осталась в доме одна и продолжала заниматься своим ремеслом.

В это-то время и была открыта новая проезжая дорога, старая же, что шла мимо ивы и дома портного, стала просёлочною; пруд зарос, превратился в подёрнутую зелёною плесенью лужу; верстовой столб свалился, – ему незачем было больше стоять – но дерево стояло по-прежнему, всё такое же крепкое и красивое, и ветер по-прежнему шумел в его ветвях.

Ласточки улетели, улетел и скворец, но весной все они вернулись опять, потом опять улетели и опять прилетели, когда же вернулись в четвёртый раз, вернулся домой и Расмус. Он стал подмастерьем и выровнялся в красивого, но худощавого и слабого здоровьем парня. Он хотел было немедля вскинуть котомку на плечи и пуститься в чужие страны, куда его давно тянуло, но

мать стала его удерживать: дома дескать лучше! Все дети её разлетелись из гнезда, он был младшим, дом должен был достаться ему; работы же он и здесь мог достать вдоволь: пусть только сделается странствующим портным, переходит из дома в дом по всей окрестности, работая недели по две то тут, то там, – чем не путешествие? Расмус сдался.

И вот, он опять спал под родною кровлею, опять сидел под старую ивою и прислушивался к шуму ветвей.

Он был красив, свистал как птица, умел петь и новые и старинные песни и скоро стал желанным гостем во многих богатых крестьянских домах, особенно же в доме Клауса Гансена, чуть ли не первого богача в окрестности.

Дочка его, Эльза, цвела как роза; улыбка не сходила с её уст, и находились таки злые люди, поговаривавшие, что она смеется только для того, чтобы показывать свои хорошенькие зубки. Что ж, такая уж она была хохотунья, вечно готова дурачиться, шутить! К ней всё шло.

Она полюбила Расмуса, а он полюбил её, но ни он, ни она не обмолвились о том друг другу ни словом.

И вот, он стал задумываться и грустить; в его характере было больше отцовского, нежели материнского. Весел он был только в присутствии Эльзы; тогда они оба смеялись и шалили напропалую, но хотя и не раз при этом представлялся удобный случай, Расмус так и не признался Эльзе в своей любви. «Что толку?» думал он. «Родители ищут ей богатого жениха, а у меня ничего нет. Так лучше бежать от неё!» Но на это у него не хватало сил; Эльза как будто держала его на привязи и могла заставить его петь и свистеть, словно ручную птицу.

Йоханна служила у Клауса Гансена в работницах; на ней лежала разная чёрная работа по дому; она возила на поле молочную бочку и доила там вместе с другими работницами коров, возила туда и навоз, когда надо было. Она не бывала в хозяйских горницах и нечасто видала Расмуса или Эльзу, но слышала от других, что они чуть ли не жених и невеста.

«Расмус идёт в гору!» думала она. «И дай ему Бог!» Но глаза её при этом наполнялись слезами, хотя, казалось бы, о чём тут плакать?

В городе была ярмарка; Клаус Гансен отправился туда с дочерью, а с ними и Расмус. Он сидел рядом с Эльзой всю дорогу и туда и обратно. Сердце его было переполнено любовью, но он не сказал о том Эльзе ни слова.

«Должен же он, однако, объясниться со мною!» думала девушка вполне резонно. «А не заговорит сам, так я расшевелю его!»

И скоро в доме стали поговаривать, что за Эльзу сватается богатейший крестьянин в окрестности. Так оно и было, но никто не знал, что ответила ему Эльза.

У Расмуса и голова кругом пошла.

Однажды вечером Эльза надела на пальчик золотое кольцо и спросила у Расмуса, что оно означает.

– Обручение! – ответил тот.

– А с кем по-твоему? – спросила она.

– С тем богачом, что сватался за тебя!

– Угадал! – сказала она, кивнула головкой и скрылась.

Скрылся и он, пришёл домой к матери совсем вне себя и сейчас же принялся завязывать свою котомку: «В путь-дорогу! Куда глаза глядят!» Не помогли и слёзы матери.

Он вырезал себе палку из ветви старой ивы и так насвистывал при этом, словно у него и невесть как весело было на душе, – чего-чего, ведь, ни насмотрится он теперь на белом свете!

– Для меня-то это большое горе! – сказала мать. – Но для тебя, конечно, самое лучшее уехать, так и мне надо примириться с этим. Но надейся на Бога, да не плошай и сам, и – я увижу тебя опять молодцом!

Он пошёл по новой дороге и увидел издали Йоханну, которая везла на поле навоз. Она ещё не успела заметить его, а ему и не хотелось этого, и он присел за изгородью у канавы. Йоханна проехала мимо.

Расмус отправился бродить по белу свету, но где бродил – никому не было известно. Мать, впрочем, надеялась, что не пройдёт и года, как он вернётся домой. «Теперь, ведь, он увидит столько нового, будет ему чем поразвлечься, ну, он мало-помалу и войдёт в старую колею. Да, в его характере больно много отцовского, лучше бы он был в меня, бедное дитяtko! Но он всё-таки вернётся домой, – не может же он

бросить и меня, и дом!»

И мать собиралась ждать год; Эльза прождала только месяц, а потом отправилась тайком к знахарке Стине; та и полечивала, и на картах и на кофейной гуще ворожила.

Она, конечно, сейчас же узнала, где находился Расмус – только в кофейную гущу поглядела. Он находился в чужом городе, но названия его она не могла прочесть. В городе том было много солдат и красивых девушек, и он собирался или стать под ружьё, или жениться на одной из девушек.

Тут Эльза не выдержала и заявила, что отдала бы всю свою копилку с деньгами, только бы вернуть Расмуса, но... никто не должен был знать об этом!

И старуха обещала вернуть Расмуса; она знала одно средство, правда очень опасное, так что прибегать к нему следовало только в крайних случаях. Надо было заварить кашу и поставить её на огонь: каша будет кипеть, и Расмусу – где бы он ни был – придётся вернуться, вернуться туда, где кипит каша и ждёт его возлюбленная. Пройдут, может быть, месяцы, прежде чем он вернётся, но вернуться он должен, если только жив. Он будет спешить домой без оглядки, без отдыха, день и ночь, через моря и горы, во всякую погоду, несмотря ни на какую усталость. Его будет неудержимо тянуть домой, и он вернётся домой!

Была первая четверть луны, а это-то как раз, по словам Стины, и требовалось для ворожбы. Погода стояла бурная, старая ива так и трещала. Стина отломил от неё веточку, связала её узлом, – узел этот должен был притянуть Расмуса – и бросила её в горшок. Затем знахарка набрала с крыши дома мху и дикого чеснока, положила в горшок и их, поставила горшок на огонь и велела Эльзе вырвать листок из молитвенника. Та случайно вырвала листок с опечатками. «Всё едино!» сказала Стина и бросила и его в кашу.

И много ещё всякой всячины пришлось бросить в кашу, которая должна была кипеть, не переставая, пока Расмус не вернётся домой. Чёрному петуху старой Стины пришлось расстаться со своим красным гребешком, а Эльзе со своим толстым золотым кольцом. И оно пошло в кашу; Эльза так никогда и не получила его обратно; впрочем, Стина заранее предупредила её об этом.

Страсть какая была умная эта Стина! Да, и не перечесть всех вещей, какие попали в кашу, которая не сходила с огня или с горячих угольев или с тёплой золы. Знали же о том только Стина, да Эльза.

Месяц нарождался и убывал, а Эльза всё наведывалась к Стине с тем же вопросом: «Что, всё ещё не видать его?»

– Много знаю я! – отвечала Стина. – Много вижу, но сколько ещё остаётся ему идти – не вижу. Впрочем, он уже перешёл первые горы! Теперь он в море и терпит непогоду! Но долго ещё идти ему через дремучие леса! Ноги его покрылись волдырями, тело его треплет лихорадка, а он всё должен идти, идти без конца, без отдыха!

– Ах, нет, нет! – сказала Эльза. – Мне жалко его!

– Ну, уж теперь его нельзя остановить! А остановим – он упадёт мёртвым на дороге!

Прошёл год. Стояло полнолуние; ветер шумел в ветвях ивы; на небе, при свете месяца, показалась радуга.

– Вот это хороший знак! – сказала Стина. – Значит, Расмус скоро придёт!

Но он не приходил.

– Да, коли ждёшь, время тянется ой-ой как долго! – говорила Стина.

– Ну, а мне надоело ждать! – сказала Эльза, стала заходить к Стине всё реже и реже, и перестала приносить ей новые подарки. На душе у Эльзы становилось всё легче, и вот, в одно прекрасное утро все узнали, что Эльза согласилась выйти за богача-крестьянина.

Она отправилась взглянуть на его двор и земли, на скот, и прочее добро; всё оказалось в добром порядке, и свадьбы незачем было больше откладывать.

Отпраздновали её на славу; пированье шло целых три дня. Плясали под звуки скрипок и кларнетов. Никто из окрестных жителей не был обойдён приглашением; была на свадьбе и матушка Эльсе, и когда веселье кончилось, дружки поблагодарили гостей за честь, а музыканты сыграли последний туш, она пошла домой с полной корзинкой остатков от свадебного угощения.

Дверь дома она припёрла снаружи, продев в колечки щепку, но,

подходя к дому, она заметила, что щепка выдернута, и дверь стоит настежь. В горнице сидел Расмус! Он вернулся домой, вернулся в этот самый час. Но, Боже, на нём не было лица! Как он пожелтел, похудел, – одни кости, да кожа!

– Расмус! – вскричала мать. – Тебя ли я вижу! Жалость берёт, глядя на тебя! Но как же я рада, что ты вернулся!

И она угостила его вкусными кушаньями, которые принесла с пира: куском жаркого и свадебным пирожным.

А он сказал, что часто вспоминал в последнее время мать, свой дом и старую иву. Диво просто, как часто снилось ему это дерево и босоногая Йоханна!

Об Эльзе он и не упомянул. Он был болен и слёг в постель; мы-то не подумаем, что в болезни его и возвращении была виновата каша Стины, это думали только сама Стина, да Эльза, но и они молчали о том.

У Расмуса сделалась горячка; болезнь была заразительна, и никто не заглядывал в домик портного, кроме Йоханны. Она горько плакала, глядя на больного.

Доктор прописывал ему лекарства, но он не хотел их принимать.

«Что толку!» – говорил он.

– Как что? Поправишься! – уговаривала его мать. – Надейся на Бога, да и сам не плошай! Я бы жизнь отдала, только бы мне увидеть тебя опять здоровым и весёлым, услышать твой свист и пение!

И Расмус избавился от болезни, но зато передал её матери, и Господь отозвал к себе её, а не его.

Пусто стало в доме; хозяйство пришло в упадок.

– Плох он! – говорили про него соседи. – Совсем дурачком стал! Бурную жизнь вёл он во время своих странствований, вот что высосало из него жизненные соки, а не каша! Волоса его поредели и поседели; к настоящему труду он был уже не годен. «Да и что толку?» говорил он и охотнее заглядывал в кабачок, чем в церковь.

Однажды, ненастным осенним вечером, он с трудом тащился по дурной дороге из кабачка к себе домой; матери его давно не было в живых; ласточки и скворец улетели; все покинули его, кроме Йоханны. Она догнала его и пошла с ним рядом.

– Возьми себя в руки, Расмус! – сказала она.

– Что толку! – возразил он.

– Дурная у тебя поговорка! – продолжала она. – Вспомни-ка лучше поговорку матери: «Надейся на Бога и сам не плошай!» Ты вот этого не делаешь, Расмус, а надо! Никогда не говори: «что толку?» Этим ты подрываешь в корне всякое дело!

Она проводила его до дверей дома и ушла, но он не вошёл в дом, а присел под старую ивою на повалившийся верстовой столб.

Ветер шумел в ветвях дерева; слышалась не то песня, не то речь, и Расмус отвечал на неё, но никто не слышал его, кроме дерева, да шумящего в ветвях ветра.

– Брр! Как холодно! Верно, пора в постель! Уснуть, уснуть!

И он пошёл, да не домой, а к пруду, там споткнулся и упал. Дождь так и лил, ветер обдавал его холодом, но он ничего не чувствовал. Встало солнышко, к пруду стали слетаться вороны, и Расмус очнулся, но тело его почти заоченело. Упав он туда, где теперь лежали его ноги, головою, ему бы не встать вовеки, болотная плесень стала бы его саваном!

Днём в дом портного зашла Йоханна; не будь её, плохо бы пришлось Расмусу; она свезла его в больницу.

– Мы знаем друг друга с детских лет! – сказала она. – Мать твоя поила и кормила меня; никогда мне не воздать ей за это! Но я надеюсь, что ты выздоровеешь и опять станешь человеком!

И Господу Богу угодно было поднять его на ноги. Но в здоровье его и телесном и духовном пошли с тех пор скачки, – то лучше, то хуже.

Ласточки и скворец по-прежнему улетали и прилетали; Расмус состарился преждевременно. Одиноким бобылем жил он в своём доме, который ветшал всё больше и больше. Совсем обнищал Расмус, стал беднее Йоханны.

– Веры у тебя нет! – говорила она. – А коли у нас нет веры в Бога, так что же у нас есть? Следовало бы тебе сходить к причастию! Ты, ведь, не причащался с самой конфирмации.

– Что в этом толку? – ответил он.

– Ну, коли ты так рассуждаешь, так лучше и не ходи! Невольных гостей Господь не хочет видеть за своим столом. Но вспомни же свою мать, своё детство! Ты был тогда добрым, набожным

мальчиком. Хочешь, я прочту тебе псалом?

– Что толку? – молвил он.

– Меня псалмы всегда утешают! – сказала она.

– Йоханна, ты стала святошей! – И он посмотрел на неё усталым, тусклым взглядом.

А Йоханна прочла псалом – не по книге, у неё не было её, а наизусть.

– Прекрасные слова! – сказал он. – Но я не могу хорошенько вникнуть в них. Голова у меня такая тяжёлая.

Расмус стал стариком, но и Эльза была уже немолода. Упомянем о ней к слову, Расмус же никогда не упоминал о ней. Она была уже бабушкой. Резвая маленькая внучка её играла раз с другими деревенскими детьми, а Расмус проходил мимо, опираясь на палку. Увидав детей, он остановился и с улыбкой стал смотреть на их игру, – в памяти его воскресло былое. Но внучка Эльзы указала на него пальчиком и закричала: «Дурачок Расмус!» Другие девочки подхватили: «Дурачок Расмус!» и пустились преследовать старика.

Тяжёлый то был, пасмурный день; за ним потянулись такие же, но в конце концов ненастье всегда сменяется солнышком.

Утро в день Троицы выдалось чудесное; церковь вся была убрана зелёными берёзками; пахло точно в лесу; солнышко играло на церковных стульях; большие свечи у алтаря так и сияли. Приступили к причащению; Йоханна была в числе причастниц, но Расмуса не было. Как раз в это утро Господь отозвал его к Себе.

А у Бога всякий найдёт и милосердие, и сострадание!

Прошло много лет; дом портного всё ещё стоит, всё ещё держится, но в нём уже никто не живёт – он, пожалуй, упадёт в первую же бурю. Пруд весь зарос тростником и трилистником.

Ветер шумит в ветвях старого дерева. Сдаётся, что внемлешь песне; поет её ветер, пересказывает дерево. А не понимаешь их, спроси старую Йоханну из богадельни!

Она живёт там, поёт свой псалом, который пела Расмусу, вспоминает о нём и молит за него Творца – верная душа! Она-то вот и может рассказать тебе о былом, растолковать, о чём шумит ветер в ветвях старой ивы!

 Загрузка...